

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2025–2026 учебный год

Муниципальный этап

9 КЛАСС

Задание 1.

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Нина Дашевская (р. 1979)

Промельк

Я иду в школу. Всё обычно, как всегда, немного опаздываю, но это не страшно. Впереди мелькает красный помпон — это Лёня Кифер, одноклассник. Но я его не догоняю: у него всё равно ноги длиннее, пусть бежит себе. К тому же и говорить с ним особенно не о чем.

Я просто не люблю утро. Потом — к третьему-четвёртому уроку — настроение может и улучшиться, день войдёт в свою колею. Но утро мне даётся тяжело, я просто иду сквозь него, сжав зубы. Вон и Кифер впереди споткнулся, остановился чего-то. Дальше пошёл. Наверное, у него тоже утро не задалось. Это ничего, это пройдёт.

Прямоугольные дома, чахлые деревья. На доме сорок шесть номер написан неправильно: шестёрка смотрит в другую сторону. На табличке «46» нормально, а под ней — чёрной краской на стене (зачем?) — шестёрка наоборот.

Вот! Люди ходят в школу. Решают там уравнения, рисуют графики функций, потом ещё логарифмы и тригонометрия... у нас ведь всеобщее образование, так? Откуда же тогда берутся взрослые, которые шестёрку не в ту сторону пишут?

Я всегда иду мимо этой неправильной цифры и хмыкаю про себя.

А так — дома, деревья, светофоры. Ветер гонит по асфальту мусор. На что тут смотреть? Ещё наушники забыла, балда, — и мозг занять нечем.

Есть только одно место, одно-единственное на всём пути... Но его не всегда

видно. Тут главное — быстро идти мимо, будто ничего такого. А в нужный момент слегка повернуть голову и заглянуть в просвет между домами. Не прямо, а так, боковым зрением — будто ничего мне там не надо и я ничего там такого не вижу.

И если всё сделать правильно — на миг откроется удивительный вид. Вообще не наш.

Как будто — другой город, из другого времени: лестница, дерево и уступами поднимаются черепичные крыши, и над всем этим — колокольня с высоким шпилем.

Первый раз, когда я увидела это, — думала, что у меня остатки сна в голове так перемешались. Но не может же сниться несколько раз один и тот же сон. Вернее, может — но вот так, наяву, в одном и том же месте...

Я всё боюсь посмотреть, что там на самом деле. Если начать разглядывать, разбирать — как из веток дерева, из водосточных труб, из... из чего ещё? Как там что собирается, возникает эта иллюзия. Или это мираж? Свет преломляется в воздухе в сырую погоду, и там, в капельках воды, моим глазам удивительным образом доставляют картинку из другого мира.

Я, конечно, знаю этот двор, ходила там. Ничего там такого нет. Всё обычно. Но если правильно идти мимо...

Вот сейчас он будет. Скоро. Да я не смотрю же! Не смотрю! Так... чуть кошу глазом...

Чёрт. Вот же чёрт! Как будто грудью на проволоку налетела, у меня так было в детстве. Чья-то жалкая клумба с цветами была огорожена вот этой проволокой, я бежала и не заметила, налетела на неё прямо солнечным сплетением и потом несколько минут вообще не могла вдохнуть.

И сейчас так. Ну почти.

Там — где я ждала увидеть тот привет из другого мира — теперь стройка. И какими-то досками перегородили весь двор. Причём забор этот убогий всего пару метров высотой, а колокольня со шпилем была высоченная. Но её не видно всё равно.

Теперь ничего не видно. Только забор.

Вот не могла даже подумать, что я так дорожу этим. Это даже был не вид, а мираж. Промельк.

И что он теперь? И как я без него?

Что же за строители такие, копатели, улучшатели моего города!

Они ведь ещё и шестёрку на сорок шестом доме перерисуют в правильную сторону!

* * *

Я не могу забыть эту стройку ни к третьему уроку, ни к пятому. Главное — никому не расскажешь. У нас классы перемешали в этом году, якобы специализация. И я теперь в математическом, но это одно название — какой, например, из меня математик? И тут в основном все из «А» класса, а наших только двое. Казалось бы, ничего страшного — все же в одной школе, никто никуда не ушёл, да и друзей у меня особо не было никогда. Но всё равно — будто выдернули из привычного мира и всунули в новый, а он ничем не лучше. Но его ещё надо обжить. А мне не хочется. Мы нашим старым классом иногда, например, в кино вместе ходили. А тут как будто каждый сам за себя.

И — в том привычном мире будто были такие дырки, уже привычные мне форточки. И через них будто просачивался, дышал на меня другой мир, которого я не знаю. Была Лиза Миронова с длинной косой, мне нравилось на неё смотреть и думать, что она из Питера. Что вот, у нас в классе учится человек из Питера, да ещё с небывалой косой. Были Артём и Арсений, двоюродные братья — между ними вечно что-то происходило, будто они невидимой верёвочкой связаны. Например, сидят в разных концах класса — и вдруг одновременно как чихнут!

В общем, было на что отвлечься... вот этот сквозняк другого мира. И потом — Промельк. Оказывается, я часто думала о нём. О том, что там вообще такое и как я потом буду взрослая ездить по разным городам и узнаю это место.

А сейчас — некуда мне сбегать. Поместили меня в новый мир... зашили все

дыры. Из старого класса тут один только Кифер, но мы с ним никогда и не разговаривали за семь лет. И всё этот дурацкий забор перед глазами. Что они там строят?! А вдруг я там больше никогда ничего такого не увижу? И никто больше не увидит.

Мне даже не хотелось обратно домой идти, чтобы мимо этого забора не проходить.

Все уже разбежались, только я сижу и торможу, да ещё Кифер. Рисует.

Я раньше и не замечала, что он рисует, только в этом году увидела — со скетчбуком стал ходить. Показал как-то — ну комиксы сочиняет. Не очень интересно. Тоже мне, ещё один математик.

Я вдруг зачем-то попыталась выудить из своей памяти какую-нибудь мелочь, чтобы спросить его — а помнишь? Ну, например, мы на экскурсию ездили; но я, хоть убей, не помню, был там Кифер или нет. Вообще за семь лет его не помню — он с первого класса с нами учился или потом пришёл? Только вот и выскакивает в голове, что его Кефиром звали. Но сейчас же не скажешь — помнишь, как тебя Кефиром дразнили?

Потом перестали. Просто немецкая фамилия, чего такого. Даже теннисист такой есть.

Пускай хотя бы теннисист. Хоть о чём-то поговорить, лишь бы сейчас домой не идти мимо забора.

— Лёня, слушай — а такой теннисист есть, Кифер, вы с ним не родственники?

— Нет.

Вот и поговорили. Ладно, нет так нет. Не получилось. Надо домой идти.

— И художник не родственник, — добавил вдруг Лёня.

— Что?

— Художник такой есть, Ансельм Кифер, очень хороший. Но мы не родственники. Кифер — вообще распространённая немецкая фамилия.

— Художник?...

— Сейчас покажу, — и Лёня стал тыкать что-то в своём телефоне.

А я случайно посмотрела на скетчбук в его руках и замерла. Он совал мне в нос телефон, говорил что-то, но я не слышала.

— Лёнь... а вот это у тебя вообще что? Откуда?!

Быстрыми штрихами гелевой ручки — две вертикальные линии, щель между домами. А между ними — деревья и лестницы и уступами поднимаются черепичные крыши. И колокольня. И высокий шпиль на ней.

— А, это... ну, чтобы не забыть. Там теперь стройка, а было такое место — правда, только в моей голове, — начал объяснять мне Лёня Кифер.

А я смотрела на его пальцы, как они вертят телефон, а потом ручку. И старалась запомнить — вот родинка на большом пальце, как у меня, вот маленький шрам. И не поднимала глаз, не смотрела в лицо — так... рядом... боковым зрением. Чтобы не потерять.

2019—2023

Марк Тарловский (1902—1952)

Утюг

Он ходит, как рыцарь в чугунной броне,
Он ходит с опущенным чёрным забралом,
Как танк, угрожающий вражьей стране,
Как панцирный крейсер, привычный к авралам.

Ему набивают пылающий зев
На вид несъедобной обугленной пищей,
И стынувший пепел свершает посев
Сквозь прутья решётки на душное днище.

И узкие с каждой его стороны
Горят полукружьями парные щели,
Как две раздраконенных юных луны,
Прорезавших муть сумасшедшей постели.

Он — грузный, трёхуглый, трёхгранный уют,
И дно его плеще речного парома.
Он тычется в север, он тычется в юг,
В экватор и в полюс, и в пояс разлома.

Он женскую руку, как знамя, несёт,
Роскошную руку над пышным раструбом,
Блюдя подытоженный прачечный счёт
В маневренном рейсе по чулам и юбам.

Но видя, что подлый ползёт холодок,
Послуженным пальцем коснутся снаружи,
И, скорчив гримасу, поставят, как в док,
В печную отдушину корпус уютный.

24 ноября 1933

Задание 2.

Вы — автор и ведущий литературного подкаста «Сумерки», который выходит по вечерам на волнах радио «Культура» на частоте 91,6 FM в московском регионе. Ваша миссия — не просто рассказывать о стихах, а создавать целостную, увлекательную историю для слушателей.

Подготовьте сценарий для первого выпуска цикла «Колыбельная в русской поэзии». Хронометраж — как обычно — 10-15 минут. Сценарий должен включать текст ведущего, музыкальные вставки (Вы можете дать указания музыкальному редактору) и записи чтения стихотворений.

В авторском тексте необходимо объяснить слушателям особенности жанра колыбельной в литературе. Обращайте внимание на то, какие мотивы и образы, какие характерные художественные приемы делают стихотворение колыбельной. Попробуйте проследить изменения жанра, покажите на примерах, как расширяется

тематический диапазон колыбельной в русской поэзии до середины XIX в.

Редактор выпуска уже подобрал для Вас несколько стихотворений. Вы можете использовать их для создания программы, но можете дополнить или изменить этот исходный набор за счет других примеров из русской или зарубежной поэзии на свое усмотрение.

Русские колыбельные (до 2-й пол. XIX в.)

Александр Шишков

Колыбельная песенка, которую поет Анята, качая свою куклу

На дворе овечка спит,	Весела почти всегда,
Хорошоохонько лежит,	И не плачет никогда,
Баю-баюшки-баю.	Баю-баюшки-баю.
Не упрямится она,	Ласки к ней отменной в знак,
Но послушна и смирна,	Гладит ту овечку всяк,
Баю-баюшки-баю.	Баю-баюшки-баю.
Не сердита, не лиха,	Так и ты, моя душа,
Но спокойна и тиха,	Будь умна и хороша,
Баю-баюшки-баю.	Баю-баюшки-баю,
Щиплет ходючи траву	Если хочешь, чтоб любя
На зеленом на лугу,	Все лелеяли тебя,
Баю-баюшки-баю.	Баю-баюшки-баю.

1783

Михаил Лермонтов

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,	Сам узнаешь, будет время,
Баюшки-баю.	Бранное житье;
Тихо смотрит месяц ясный	Смело вденешь ногу в стремя
В колыбель твою.	И возьмешь ружье.
Стану сказывать я сказки,	Я седельце боевое
Песенку спою;	Шелком разошью...
Ты ж дремли, закрывши глазки,	Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.	Баюшки-баю.
По камням струится Терек,	Богатырь ты будешь с виду
Плещет мутный вал;	И казак душой.
Злой чечен ползет на берег,	Провожать тебя я выйду —
Точит свой кинжал;	Ты махнешь рукой...
Но отец твой старый воин,	Сколько горьких слез украдкой
Закален в бою:	Я в ту ночь пролью!..
Спи, малютка, будь спокоен,	Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.	Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1838

Николай Щербина

Русская колыбельная песня

Спи, мое дитятко,
Спи, мое милое,
Спи, когда спится!

Песня ль старинная
Вспомнится радостно,
Хочешь запеть.

Скоро ты вырастешь:
С гнездышка теплого
Скоро слетишь.

В двери широкие
Явятся хлопоты —
Песня уйдет...

С русой бородкою,
Дитятко милое,
Горе придет.

Сон ли украдкою
На изголовьюшко
Ляжет порой —

С первой красавицей,
С первой зазнобушкой,
Сон пропадет.

Дума житейская,
Злая кручинушка
Сгонят его!

С женкой румяною,
С малыми детками
Много забот.

Спи, мое дитятко,
Спи, мое милое,
Спи, когда спится!

11.12.1841

Афанасий Фет

Колыбельная песня сердцу

Сердце — ты малютка!
Угомон возьми...
Хоть на миг рассудка
Голосу вонми.
Рад принять душою
Всю болезнь твою!
Спи, Господь с тобою,
Баюшки-баю!

А не то другая
Нянюшка придет,
Сядет, молодая,
Песни запоеет:
«Посмотри, родное,
На красу мою,
Да усни в покое...
Баюшки-баю!»

Не касайся к ране —
Станет подживать;
Не тоскуй по няне,
Что ушла гулять;
Это только шутка —
Няню жди свою.
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!

Что ж ты повернулось?
Прежней няни жаль?
Знать, опять проснулась
Старая печаль?
Знать, пуста скамейка,
Даром что пою?
Что ж она, злодейка?
Баюшки-баю!

Подожди, вот к лету
Станешь подрастать, —
Колыбельку эту
Надо променять.
Я кровать большую
Дам тебе свою
И свечу задую.
Баюшки-баю!

И долга кроватка,
И без няни в ней
Спится сладко-сладко
До скончанья дней.
Перестанешь биться —
И навек в раю, —
Только будет сниться:
Баюшки-баю!

1843

Лев Мей

Колыбельная песня

Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

Что на зорьке — на заре,
О весенней о поре,
Пташки божии поют,
В темном лесе гнезда вьют.

Соловейка-соловей,
Ты гнезда себе не вей:

Прилетай ты в наш садок, —
Под высокий теремок.

Под кусточком попорхать,
Спелых ягод поклевать,
Солнцем крылышки пригреть,
Оле песенку пропеть.

Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

1849(?)